

ОЛЬГА ГОЛОТВИНА

«ПАРУСА НАД ОБЛАКАМИ» (отрывок, причем не самое начало: есть еще пролог)

I. ОБРЕТЕНИЕ КОМАНДЫ

1

*Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки...*

А. Блок

«Облачный конь» сгорел ночью на рейде Порт-о-Ранго.

На пристань сбежалась толпа – в основном экипажи стоящих в гавани кораблей, летучих и морских. Галдя и потрясая кулаками, глядели они на огненные столбы, в которые превратились все три мачты «Облачного коня».

Летучий корабль погибал в одиночестве: гребные буксиры уже растащили прочь легкие плоскодонные корабли. И это спасло их от страшнейшей из бед, когда прогремел взрыв и над палубой «Облачного коня» фонтаном взлетели горящие обломки досок.

Никто не пытался тушить огонь. Бесполезно. Надводные части летучих судов делались из славийской ели и таумекланской бальзы. Легкие-то они легкие, но как горят! А бальзу еще и натирают франусийской мастикой, чтоб не впитывала влагу... да уж, полыхнет – не погасишь!

Черно-красные столбы над обреченным судном казались пляшущими демонами. Злобными демонами, пожирающими корабль. Демоны сжимали в объятиях мачты, давились скатками парусов и плевались снопами искр.

Человечины демонам не досталось. По толпе ходил говорок: на корабле было всего двое леташей, оба прыгнули за борт и спаслись. Дело понятное: на летучих кораблях команды маленькие, не то что на морских. Капитан Джанстен оставил пару вахтенных, остальные на берегу ночевали перед завтрашним взлетом.

А вот лескаты, лескаты... горе-то какое, все четыре тварюшки в трюме погибают! На рейде не положено лескатов в трюмах держать, но на рассвете «Облачный конь» должен был встать под погрузку, а потом – сразу в небо. Вот капитан Джанстен и велел с вечера забрать животинку из общего загона...

Отчего беда-то стряслась? Ведь леташа больше погибли своих душ боятся огня на борту. На летучих судах нет даже камбуза. Небоходы знают, что может натворить искра, угодившая в смесь водорода и кислорода. Вон как рванул гремучий газ, скопившийся меж палуб «Облачного коня»!

Неужели вахтенные нарушили неписанный закон небоходов и посмели раскурить на борту трубки?

В это не верил никто из тех, кто столпился в порту. Из уст в уста (шепотом, только шепотом, ни разу вслух!) летело: «Эдон Манвел!.. Больше некому... Капитан Джанстен не захотел, чтобы «Облачный конь» вошел в эскадрилью эдона Манвела – и теперь «Облачный конь» горит...»

Но эти перешептывания были невесомы, как пена на гребнях волн, потому что эдон Манвел ду Венчуэрра был не из тех людей, о ком безопасно болтать...

Там, где пристань дразнит море языком волнолома, молодая черноволосая женщина отчаянно рыдала на груди высокого рябого леташа. Она голосила что-то неразборчиво, выла, била мужчину кулаками по широкой груди. А он придерживал ее за плечи и бормотал непослушными губами:

– Погоди, Мара... Успокойся, Мара...

Но глядел мимо женщины – туда, на страшные пляски огненных демонов над кораблем.

Мужчина в черно-синей рубахе моряка обернулся к знакомому леташу:

– По кому баба убивается? Разве на борту люди были?

– Она – пастушка, – мрачно ответил леташ.

– А-а, – понимающе кивнул моряк и, сняв с пояса флягу, протянул женщине. –

Глотни, авось полегчает!

Хотя он был моряком и доверялся только волнам и ветру, но все же знал: пастушка сейчас чувствовала боль и отчаяние четырех погибающих тварей. Вместе с ними заживо горела...

Женщина взяла флягу, глянула на нее непонимающе. Затем взгляд пастушки прояснился, она жадно припала к горлышку, сделала несколько больших глотков и, оглушенная крепчайшим «зубодером», вновь припала к плечу своего рябого спутника – уже молча...

А на волноломе сидел невысокий, щуплый старик. Обхватив руками седую голову, до крови закусив губу, он мучительно, безнадежно раскачивался из стороны в сторону, словно заклиная боль. Он был погонщиком обреченных лескатов – и страдал так же, как и пастушка...

Гибель корабля завершилась на рассвете. «Облачный конь» повалился на левый борт и осел, как сугроб весной. До пристани донеслось шипение: вода заливала огонь. И клубы пара закрыли от людских глаз агонию уходящего на дно корабля.

2

*Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.*

Н. Гумилев

– После треволнений прошедшего дня капитан Гайдж опустил «Портовую девчонку» на воду юго-западнее небольшого, покрытого лесом острова, почему-то не значащегося в лоции. Капитан Гайдж решил, что это одна из ошибок картографов. Все мы, небоходы, знаем, как подло могут подвести карты.

Посетители таверны «Попутный ветер» (судя по сине-белым рубахам, сплошь леташе) согласным ворчанием ответили рассказчику: мол, верно, картографы – дармоеды косорукие, всех бы их покрошить на корм для лескатов...

Невысокий, щуплый старик обвел таверну спокойным, проницательным взором темных глаз и продолжил:

– Альбинец Гайдж был толковым капитаном, стоянку выбрал засветло. Хорошая нашлась стоянка: бухточка, закрытая от ветров. Капитан собирался послать четверых леташей осмотреть остров. Если там все мирно, он собирался разбить на берегу лагерь и побаловать команду горячей едой с костров...

Слушатели заулыбались. В полете они ели всухомятку – и ценили такие простые радости жизни, как миска горячей похлебки во время береговой стоянки.

– А только рано альбинец строил планы, – вздохнул рассказчик. – Не успел он шлюпку на воду спустить, как «Портовую девчонку» сотряс страшный удар. И тут же пастух закричал из «мокрого трюма», что днище пропорото наискось чем-то острым, вода прибывает, тяжело ранен один из лескатов...

– А сколько всего лескатов было у капитана Гайджа? – с джермийским выговором спросил краснолицый леташ.

Слушатели на него заворчали. Но рассказчик не рассердился.

– Пять, – пояснил он. – Четыре по бортам, один кормовой... Капитан Гайдж погнал летащей в трюм, пластырь заводить на пробоину. А сам вместе с погонщиками потянул лескатов вверх. Что за опасность ни подстерегала внизу – уходить надо было в небо.

Слушатели закивали.

Старик мягко пошел от стола к столу. Он говорил – и дружелюбно глядел в глаза подвыпившим леташам. И каждому посетителю казалось, что этот седой человек рассказывает свою историю только для него.

– Поднялись быстро, но невысоко. Лескаты беду почуяли, вверх рванули, как их дикие предки делали. Но зависли почти над водой. В воздушный поток не попали – паруса, стало быть, без работы. А лескаты слышат боль раненного собрата, слышат страх пастуха. Уперлись – ни вверх, ни вниз. Тут капитан Гайдж посмотрел за борт – и ахнул...

Рассказчик замолчал, оглядел столы, сделал рукой движение, словно берет кружку. Его поняли совершенно правильно: тут же старику были протянуты четыре кружки с пивом. Сказитель взял одну, неспешно промочил горло и неспешно повел речь дальше:

– Ходит кругами по бухточке гигантская рыбина. Вроде как рыба-меч, но не меньше шхуны будет. А меч – как бушприт, да зазубренный, да страшный... Ходит по поверхности, от злости подпрыгивает, в воздух взвизгивается.

– Ишь ты! – не удержался курносый рыжий парнишка – то ли юнга, то ли молоденький леташ. И тут же схлопотал от соседа подзатыльник... нет, точно, юнга!

– Но и та беда была бы – полбеда, – сурово заверил слушателей старик. – С небес донесся грозный клекот. Закинул капитан голову – и видит: парит над ним птица. Да такая здоровенная – ну, с двух грифонов будет, не меньше!

– Ну, уж и двух! – не удержался, влез в разговор трактирщик, протиравший за стойкой оловянные кубки. – Я видел грифона в Берхагене, когда была коронация. Наследный принц на грифоне ехать изволил...

Старик замолчал. Обернулся к трактирщику. С удивлением и недовольством воззрился на земного торгаша, который вмешался в беседу небоходов.

Трактирщик почуял общее раздражение и набросился с тряпкой на подвернувшийся под руку кубок.

Старик выдержал укоризненную паузу и вернулся к своей истории:

– С двух грифонов, не меньше. Такая в каждую лапу схватит по человеку и унесет. А на клюв глянешь – и сразу поймешь, что она этим клювом не орехи щелкает. Сразу не напала: присматривается к добыче. Южнее Кокосового Пояса не каждый день летучие корабли встречаются. Но за этой милой птичкой атака явно не пропадет... Едва капитан об этом подумал, как пташка поднялась повыше – да и ринулась сверху вниз на «Портовую девчонку». А только капитан успел уже крикнуть боцману, чтоб взвел копьemet. Сразу крикнул, как только птицу увидал.

– На купеческом судне – копьemet? – усомнился кто-то.

На придиру цыкнули. А богато одетый толстяк с капитанским шнуром вокруг объемистой талии сказал задумчиво:

– В какое время мы живем... Я тоже себе на палубу копьemet поставлю. «Поморники» так обнаглели, что хоть боевого мага в рейс нанимай... А вы рассказывайте, сударь, рассказывайте. История презанятная.

Старик учтиво поклонился.

– Боцман не подвел, выстрелил метко, под крыло угодил. Птица даже закувыркалась. Другой бы твари конец пришел, а эта вновь поймала крыльями поток и пошла вверх. Снова для нападения изготавливается. Прямо не птица, а Свен Двужильный, до того упрямая!

Слушатели посмеялись. Здесь, в уютной таверне, можно было и про знаменитого «поморника» пошутить. То ли дело в небесах, когда только того и жди, что вынырнет из

облаков «Красный коготь» с четырьмя копьеметами по каждому борту и с лихой абордажной командой наготове.

– А только и капитан Гайдж был не дурак. Птица еще в воздухе кувыркалась, когда альбинец хлопнул себя по лбу, побежал с капитанской галереи на палубу и кинулся в свою каюту...

– Придумал что-то? – снова не удержался лопухий юнга.

– Ну да, – охотно согласился старик, – вот этак себя ладонью по лбу шлепнул...

Он изобразил жест человека, припомнившего что-то важное, – и вдруг воскликнул:

– Ах, дурень я старый! Главное-то забыл!

Он сдернул с головы мягкую черную шляпу и вытянул перед собой на руке:

– Люди добрые, коли нравится вам рассказ, оцените его кто во что может!

И пошел со шляпой вдоль столов.

Слушатели заулыбались маленькой хитрости рассказчика, оборвавшего историю на интересном месте. В шляпу дождем посыпалась медь.

Наконец старик, держа наполнившуюся шляпу в левой руке, правую приподнял, призывая всех к молчанию.

– Капитан вынес из своей каюты кожаный мешок с «таумекланским перцем». Но почему Гайдж хранил мешок не в грузовом трюме, а в своей каюте – про то меня не спрашивайте, сам удивляюсь!

Леташи расхохотались. Толстяк капитан весело всплеснул руками.

Небоходы не ладили с таможенниками. Даже тот из них, кто никогда не загружал трюм контрабандой, время от времени припрятывал что-нибудь ценное из товаров, чтобы продать без пошлины. А мешок «таумекланского перца» – мелких семян дерева тхиллок, из которых изготавливали острую приправу, – мог дать неплохой заработок тому, кто провезет его мимо таможни.

– Капитан схватил лопату, которой юнга разбрасывал песок по палубе, и зачерпнул, не жалея, дорогие семена. Птица уже была рядом: хищный клюв крючком, глаза навывкате... Гайдж швырнул ей в голову лопату семян – и хищница вновь закувыркалась в воздухе, почти ослепшая, с ошпаренным горлом. На этот раз она расправила крылья лишь над самой водой. И тут из бездны вынырнула и яростно взвилась в воздух гигантская рыба-меч. Обезумевшая птица впилась в нее когтями – и началась битва! Рыбина, извиваясь, тянула птицу в глубину, а та била крыльями по воздуху и по воде, пытаясь поднять свою неслыханную добычу...

Леташи загомонили, обсуждая схватку рыбы и птицы.

– Так кто же победил? – спросил наконец толстый капитан.

– Гайдж не дождался конца схватки, – с достоинством ответил старик. – Ему было не до редкого зрелища – слишком беспокоила судьба «Портовой девчонки». Команда кое-как завела пластырь, но ясно было, что волны разлижут пробоину и ворвутся в трюм. К тому же в этих водах, как уже увидел капитан, водились грозные хищники. Поэтому он решил совершить сухую посадку. Хотя ему, как и всякому небоходу, претила мысль о приземлении на сушу, другого выхода он не видел. До острова «Портовая девчонка» могла дотянуть, на твердой почве было проще починить днище, а от гигантских птиц можно было замаскировать корабль ветвями деревьев. И Гайдж принялся отдавать приказы, не подозревая, какую недобрую тайну хранит под пологом леса остров, которому он так опрометчиво доверился...

Рассказчик обвел взглядом внимательные лица посетителей трактира – и неожиданно заявил:

– Но об этом, люди добрые, я расскажу вам в другой раз. А не доведется мне, так другой сказитель поведает.

Таверна возропала. Но старик, не обращая внимания на протесты, направился в дальний угол, где за длинным столом угрюмо сидели шестеро.

Старик опустил рядом с ними на скамью.

– Вот, деточки, за пиво и закуски мы, считай, уже расплатились.

3

*Господи Боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..*

А. Блок

Трактирщик проводил старика до самого стола довольным взглядом. Хорошо, что у бывшей команды «Облачного коня» есть чем расплатиться. Крепко зависли, бедолаги, в полное безветрие угодили. Мало им было того, что сгорел корабль, так еще и капитан Джанстен удрал с корабельной кубышкой, не заплатив своим людям за последний рейс. Говорят, одного из погонщиков с собой в бега уговорил, а второго, старого, бросил с остальной командой здесь, в Порт-о-Ранго.

Да, покрутятся эти невезучие леташи, подыскивая хоть какую-нибудь работенку! Прежним экипажем им, понятное дело, уже не летать, но и порознь поди куда-нибудь приткнись!

Протерев последний кубок, трактирщик бросил его в корзину с чистой посудой и через зал скользнул приметливым, оценивающим взглядом по летахам, потерявшим небо.

«Облачный конь» не раз опускался на воды здешней гавани. Но его команда чаще ходила выпить и закусить не в «Попутный ветер», а в «Подкованную ворону». Поэтому трактирщик Вайс не всех и по имени-то знал. Но то, что ему довелось узнать о летахах, Вайс помнил. Было у трактирщика увлечение – больше узнавать о посетителях, причем узнанное надолго запоминалось. Весьма, кстати, полезное увлечение: ни один пройдоха не мог похвастать, что дважды сумел, не расплатившись за съеденное и выпитое, удрать из «Попутного ветра». А дебоширы и буяны, едва перешагнув порог, удостаивались пристального внимания вышибалы, которому хозяин успевал указать взглядом на подозрительных гостей.

Сейчас Вайс скучал за стойкой – и от безделья принялся гадать: что представляют собой эти семеро за дальним столом и есть ли у них надежда сыскать хоть какую-то работу?

Старик наверняка так и застрянет сказителем в каком-нибудь заведении. (Надо будет прикормить его в «Попутном ветре» – ловко дед машет языком.) Конечно, он и есть тот погонщик, которого Джанстен, убегая, бросил в Порт-о-Ранго. Ну, и кто возьмет в команду старика? Только к нему лескаты привыкнут, как дед или помрет, или по дряхлости осядет на земле. А летучим тварям придется к другому погонщику мыслями притираться!

А вон тот здоровяк – ну, прямо разбойничья морда! Выговор у него джермийский, – кому это знать, как не Вайсу: сам урожденный джермиец, с Хэдданских предгорий. Этого верзилу кто-то из команды назвал боцманом... ну, это его в последний раз так величают. Может, и найдет себе капитана, но наверняка будет не боцманом. Простым леташом. На мачты лазать да грузы в трюм укладывать. А то и вовсе на складе грузчиком приткнется. А вернее всего – в шайку угодит. К лесным разбойникам или к городским грабителям.

Рядышком две девицы сидят... эх, хороша та, черноволосая, в мужской одежде! Вайс знал, что зовут ее Марой. Зять Вайса, кобель несытый, полгода назад звал ее в «Попутный ветер» подавальщицей, сулил много чего поверх заработка – и схлопотал блямбу под глаз. Хорошую такую блямбу, словно мужская рука на его роже отметилась! А Мара еще и шум подняла: мол, честную пастушку лескатов на какие мерзости подбивают!.. Услыхала эти крики Эльса, дочка Вайса, – еще и от себя муженьку добавила.

Пастушка. И красавица. Ну, такая работу найдет – да только будет ли работа ей в радость? Уж как на «Облачном коне» капитан Джанстен договаривался с красоткой, того Вайс не знает. А вот захочет ли новый хозяин, чтоб Мара эта самая только за лескатами ухаживала?..

А девица рядом с нею – ну, заморыш, мышонок! На такую ни один мужик дважды не взглянет! Что она делала на борту «Облачного коня»? Непонятно... Но вряд ли теперь сумеет куда-нибудь удачно приткнуться.

И юнга тоже... Вайс бы его к себе и полы мыть не взял. Придурок белобрысый. С первого раза не понимает, что ему говорят. Дергается от каждого резкого движения. То-то его Олухом прозвали... пропадет мальчишка, как есть пропадет, да такого и не жалко.

Еще один член команды, в длинном балахоне с капюшоном, лежал лицом на сложенных руках и походил на тюк тряпья. Не понять, мужчина это или женщина. То ли напился, то ли до смерти устал, то ли не хочет глядеть на все вокруг...

Трактирщик перевел взгляд на последнего из печальной компании – круглолицего, дочерна смуглого халфатийца – и принялся гадать, что заставило того покинуть родину. Соплеменники этого парня водили по всем странам караваны с товарами, но халфатиец на борту летучего судна – дело воистину неслыханное...

Тут цепочку рассуждений Вайса прервала его супруга: подошла пожаловаться на соседа-виноторговца, который заявил, что впредь за иллийское вино будет брать дороже на два делера за бочку.

– Он что, рехнулся? – охнул трактирщик, разом выбросив из головы праздные размышления о чужих горестях.

Кивнул вышибале – дескать, зал на тебе. Указал на стойку подавальщице: обслужи, если что. И поспешил вместе с женой во внутренний дворик, чтобы без посторонних ушей потолковать с ожидающим там виноторговцем и узнать, с какого-растакого дурного сна ему стукнула в голову мысль грабить своих соседей и добрых друзей.

А потому, когда все началось, трактирщик отсутствовал и ничего вразумительного рассказать о происшедшем, увы, не мог.

Когда он уходил, все было чинно и мирно. Леташи отмечали удачный рейс, толстяк-капитан вдумчиво обгладывал свиное ребрышко, а за угловым столом экипаж «Облачного коня» молча пил пиво и обдумывал свою скверно сложившуюся судьбу.

Экипаж не хотел расставаться. Экипаж еще ощущал себя единым целым, а не семеркой неудачников. И когда подошла подавальщица и выгребла за пиво и жареную хамсу большую часть содержимого шляпы, ни у кого не возникло мысли о том, что все ели и пили на стариковы деньги. Команда гуляла – команда расплатилась. Сегодня за твой счет, завтра за мой – свои люди, сочтемся. Как всегда...

Не хотелось думать, что никакого общего «завтра» у них уже не будет. Семь дорог расходились в разные стороны.

– Мальчишку жалко, Отец, – шепнула Мара старику.

Погонщик, прозванный в экипаже Отцом, покосился на белобрысого нахохлившегося подростка, похожего на больного воробья.

Да, Олуха было жаль. Жаль, как родного внука. Ведь это он сам полгода назад подобрал голодного до прозрачной голубизны мальчишку, который притащился в «Подкованную ворону» на запах съестного. Из таверны, понятно, бродяжку вышибли, а он, старый дурак, пожалел паренька. Растрогался, услышав родной альбинский выговор.

Капитан Джанстен тогда его и слушать не захотел. Мол, «Облачный конь» – не дом призрения при храме. Мол, гони, Отец, этого мелкого доходягу в шею.

Спасибо Лите – заступилась, добрая душа. Да так решительно заговорила! Мол, если мальчик уйдет, уйду и я... Понятно, Джанстен заткнулся. Литу потерять – себе дороже. Он, мерзавец, когда удирал с корабельными деньгами, звал Литу с собой, да она не пошла.

А мальчишка сначала и впрямь был лишним грузом. Понятно, что команда нарекла его Олухом. Окликнешь, – шарахается так, словно затрещину получил. Начнет дело делать – все из рук валится.

Юнг не балуют ни на морских, ни на летучих кораблях. Колотушками учат. Но что делать с парнишкой, которому дашь всего-навсего легкую оплеуху – а он падает на палубу, поджимает колени к животу, закрывает голову руками и так лежит?

Ясно, что забит парнишка до невероятия. Беглый, тут и сомневаться нечего. Причем хозяин его – сволочь. А почему сюда добрался – тоже понятно: из вольного города выдачи нет...

Пришлось Отцу потолковать с боцманом Хаансом, чтоб рук не распускал. Тот поворчал, но все понял. Он хороший парень, боцман-то. К тому же знает, что это такое – когда тебя бьют, а ты ответить не можешь. Он этого на каторге нажрался досыта.

А когда Олух понял, что обижать его здесь не будут... на глазах ожил паренек! Да, у него не сразу все получалось, но как же он старался! Не ходил – бегал! Чтоб в трюме спрятаться и дрыхнуть – такого за ним не водилось. Сделает, что поручено, и назад спешит, у боцмана перед глазами крутится – мол, что еще прикажут?

И высоты не боится. Хороший леташ со временем получился бы из парня. А теперь он опять на городских задворках. И опять один. Кто из команды сумеет позаботиться о мальчишке? Самому бы прокрутиться!..

Старик угрюмо кивнул и ответил Маре:

– Всех нас жалко, дочка. Всех нас пожар обжег. Правильно говорил древний философ Гуиндред, прозванный Сварливым Отшельником: «Всякая сука-беда ценится пометом из полудюжины бед!»

Мара улыбнулась почти прежней улыбкой: ей нравилась манера Отца уснащать речь словами древних мудрецов. Поговаривали (хотя, может, и врал), что старик не всегда был погонщиком и что неспроста он такой грамотей...

– Складно ты байку плел, – сказала она. – Даже музыка заслушалась, замолчала.

Старик посмотрел вверх, на галерейку второго яруса, куда вела лестница с резными перилами. В конце галерейки, рядом с последней из дверей комнат, которые хозяин сдавал гостям, приткнулись трое музыкантов: лютнист, флейтист и старуха с бубном. Пока гости не требовали плясок, старуха дремала, а лютнист и флейтист по очереди играли что-то негромкое. Но сейчас они действительно заслушались...

Поймав взгляд гостя, флейтист поднял флейту к губам и завел грустную, протяжную мелодию, сразу напомнившую погонщику о бедственном положении экипажа.

«Как жить? Где жить? На что жить?..»

Старик обернулся к илву, лежавшему лицом на сложенных руках:

– А ты, Филин, не искал работу в городе? Конечно, люди вашего брата не любят, но ты же лучший плотник отсюда до самой Виктии!

Темная фигура не пошевелилась, но ответ прозвучал. Голос был тонок, как у ребенка:

– Мне нельзя оставаться на одном месте. За мной всегда следует смерть.

Из-под щеки лежащего вынырнула рука. Крепкие, сильные пальцы ударили по столу. Вылетевшие из потайных подушечек когти процарапали столешницу. Отведя душу, илв снова убрал руку под голову.

Это движение заняло лишь несколько мгновений, но вышибала углядел неладное и враз очутился возле углового стола:

– Эй, приятель, здесь обслуживают только людей. Ступай в «Развеселую пляску» или в «Охাপку дров». Там не брезгают наливать кому попало.

Илв не ответил, даже головы не поднял. Зато остальные шестеро вскочили на ноги дружно и разом.

– Ну, ты, хрен собачий, – негромко, но очень веско начал побагровевший боцман, – чего к нашему леташу вяжешься? Ковыляй отсюда, не мешай небоходам гулять.

Вышибала не то чтобы струсил (и не таких верзил приходилось утихомиривать) – просто не хотелось ему, чтобы в отсутствии хозяина всколыхнулась серьезная драка. А что серьезная – тут сомнений не было. Даже белобрысый юнга, совсем не геройского вида паренек, стиснул кулаки.

– Да я чего?.. – сбавил вышибала тон. – Я говорю, что дружку вашему будет вольготнее в «Развеселой пляске» или в «Охалке дров».

– А вот мы здесь устроим такую развеселую пляску... – посулила черноволосая красотка.

– ...что от твоего кабака останется охалка дров, – закончил ее мысль старик.

А тощая, мелкая, похожая на мышь девчонка покачала в руке тяжелую глиняную кружку. Прикидывала, как ее швырнуть пометче!

Вышибала отступил с ворчанием: мол, хозяин сейчас вернется, как скажет, так и будет...

Команда, отбившая атаку, вновь уселась за стол. Маленькая победа не подняла настроения бывшему экипажу «Облачного коня». Наоборот, острее заставила почувствовать неотвратимое расставание.

– Райсул, – обратился боцман Хаанс к смуглому круглолицему леташу, – за Просоленной улицей, где постоянный двор, я видел караван. Ваш, халфатийский. Сходил бы туда – может, работа тебе сыщется. Толмачом... или этих... верблюдов стеречь.

– Можно сходить, – согласился Райсул. – Но это на время. – Черные глаза халфатийца гордо сверкнули. – Хочу летать!

Ответом ему был дружный вздох. Летать хотели все.

Предаваясь унынию, команда не обратила внимания на то, как отворилась дверь.

Новый посетитель, вставший на пороге, был молод – не старше двадцати – и одет настолько нарядно, что два шулера за столом у окна переглянулись и уставились на вошедшего. Они оценили и черный с серебром костюм, и черную широкополую шляпу, украшенную серебряной пряжкой и орлиным пером, и шпагу на кожаной перевязи. Разумеется, не упустили они из виду и самое главное – витой многоцветный шнур на талии незнакомца.

А тот оглядел зал. Заулыбался, увидев то, что искал. И пошел меж столами – худощавый, долговязый, какой-то легкий, походкой напоминающий канатоходца или акробата. Светлые глаза глядели так весело и лукаво, что замотанная, хмурая подавальщица, встретившись с ним взглядом, расцвела, как роза, и почувствовала себя юной девчонкой.

Юноша-небоход был явно доволен жизнью и не намеревался этого скрывать. И потому, когда он приблизился к угловому столу, его встретили семь пар недружелюбных глаз (даже илв поднял голову и уставился на пришельца совиным желтым взором).

– Вы, что ли, команда «Облачного коня»? – поинтересовался незваный гость высоким, почти мальчишеским голосом.

– Ну, – мрачно отозвался за всех боцман Хаанс.

Остальные в упор разглядывали юного небохода. Все в нем раздражало потерпевшую бедствие команду: и щегольской наряд, и звонкий голос, а главное – чудесное настроение, которое так и светило в каждом слове, взгляде, жесте...

Дерзкий птенец почувствовал холодный прием, но это его не обескуражило. Похоже, обладателя этих светло-серых глаз вообще трудно было смутить, а его задорный острый нос, делавший своего хозяина похожим на птицу, создан был не для того, чтобы получать щелчки.

Юнец-небоход бесцеремонно сдвинул в сторону кружки с недопитым пивом и тарелки с хамсой. Никто и охнуть не успел, как наглец уселся на край стола и сверху вниз глянул на недовольную команду.

– Поздравляю, погорельцы, вам повезло! Теперь я ваш капитан!

*Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.*

(В. Шекспир)

У потрясенного юнги отвисла челюсть, он распахнутыми глазами уставился на блистательного незнакомца, так непринужденно объявившего себя их капитаном.

Прочие члены экипажа, в отличие от Олуха, изумления своего не показали. Помрачнели, подобрались, с подозрением глянули на щеголя: кто, мол, таков? Мошенник или просто дурень со своими дурацкими шуточками?

Но промолчали: предоставили говорить старику-погонщику.

А тот, глядя сверху вниз в молодое загорелое лицо, учтиво спросил:

– Вы, ваша милость, каким кораблем командовать изволите? И почему остались без команды? И в какой небоходной академии обучались?

Первые два вопроса юнец проигнорировал, а вместо ответа на третий извлек из бархатного мешочка на поясе свиток пергамента. К свитку на тонком золотом шнурке была подвешена солиднейшего вида сургучная печать с гербом Иллиии.

Юнец протянул свиток погонщику. Тот вытер руки о рубаху, бережно взял пергамент, развернул его, пробежал глазами – и с куда большим уважением взглянул на молодого небохода.

– Читай же! – не выдержала Мара.

И Отец известил команду, что Донатус деу Вильмготериан, барон, подданный франусийской короны, достойно прошел полный трехлетний курс обучения в Королевской небоходной академии Иллиии. И десять почтенных ученых мужей, преподаватели академии, своими подписями свидетельствуют, что Донатус деу Вильмготериан может нести службу на летучем корабле, как частном, так и входящим в небоходный флот любой страны, в чине вплоть до капитанского. Все десять подписей в наличии. И одиннадцатая, его величества короля Анзельмо, тоже в дипломе имеется.

Диплом внушал доверие. Леташи переглянулись. Мара спросила почтительно:

– Так вам, господин барон, нужна команда?

Юноша взял из рук погонщика свой диплом, аккуратно уложил его в бархатный мешочек у пояса. Затем обернулся к Маре и ответил легкомысленно до простодушия:

– Вообще-то я не барон. Меня зовут Дик Бенц. Но я же не виноват, что в небоходные академии принимают только дворян! Вот и пришлось для них измыслить...

Такого удара команда не перенесла. Все разинули рты не хуже юнги Олуха. Ни у кого не нашлось что сказать этому... этому Дику Бенцу, который продолжал взирать на них приветливо и благодушно.

Только халфатиец Райсул, не доверяя своему знанию чужого языка, переспросил:

– Измыслить? Что измыслить?

– А дворянские грамоты! – с готовностью пояснил Дик Бенц. – Я их сам нарисовал, такие красивые получились! У меня это вообще здорово выходит – изображать разные почерки.

Мара непроизвольно двинула локтем, оловянная кружка грохнулась на пол. Все дернулись от этого звука.

Боцман Хаанс спросил недоуменно:

– Так ты, стало быть, не барон? Только называли так?

Дик Бенц, опершись о столешницу, нагнулся к леташу и ответил:

– А тебе кто нужен, барон или капитан?

Хаанс растерялся. А Бенц продолжал таким тоном, словно растолковывал малышу, как надо ложку в ручонке держать:

– Вот наших зверушек называют лескатами. То есть летучими скатами. Хотя они вовсе не скаты. И даже не рыбы. У них и лапки есть.

– Ну и что? – озадаченно буркнул Хаанс. Он не мог понять, каким галсом пошел разговор.

– Ну и всё, – разъяснил Дик Бенц. – Как их ни называй, главное – летают!

И тут вмешался халфатиец:

– Подожди, господин Как-бы-там-тебя-ни-звали... Ты сам нарисовал грамоты, говорящие о знатности твоего рода? Так, может, ты и этот пергамент сам нарисовал? И поддельную печать прицепил?

Мара хлопнула в ладоши:

– Bravo, Райсул! А может, еще проще? Может, он спер диплом у настоящего барона?

– А как же я тогда собираюсь летать? – удивился Бенц. – Знания не украдешь.

– Вот знаний твоих мы еще не видели, – негромко сказал Отец.

Неожиданно в разговор вступила Лита – спокойно, властно и твердо:

– Насчет обучения – это легко проверить... Ты кончил академию этой весной?

– Да, сударыня, – учтиво ответил Дик.

– Значит, твое обучение началось три года назад? Тогда ответь: что ты делал в тот год, четвертого дня жатвенного месяца?

– Ну, дочка, тыхватила! – вмешался погонщик. – Три года назад? Неужели молодой человек помнит каждый свой день...

И замолчал, увидев снисходительную ухмылку Бенца.

– Три года назад? – переспросил юнец небрежно. – Жатвенный месяц? Четвертый день? Помню, чего там не помнить! Я сидел верхом на бронзовом коне. Точнее, на крупе, позади покойного императора Ригардо Непреклонного.

Это заявление вновь повергло команду в сосредоточенное молчание. На этот раз первым заговорил Райсул:

– Все понятно. Этот несчастный безумен. Если он повествует от том, что ездит на бронзовых конях...

– Кто ездит? – обиделся странный юнец. – Что я – чародей, что ли? Никуда я не ездил. Просто сидел за спиной у Ригардо Непреклонного, а потом на плечи ему влез... Четвертый день жатвенного месяца, три года назад – это был всем дням день, мы к нему загодя готовились. В этот день племяннице ректора, сеора Антанио диль Фьорро, исполнилось шестнадцать лет. Совершеннолетие! По этому поводу сеор Антанио устроил роскошный праздник. Угощение было – м-м-м! И гости – сеореты из лучших семей Белле-Флори. Танцы прямо на площади, перед зданием академии... то есть начали-то мы в саду, а потом выплеснулись на площадь, прямо с музыкантами, и всех прохожих тащили с собой плясать. И тут ветер сорвал с сеореты диль Фьорро вуаль. Там на фронтоне конная статуя основателя университета – императора Ригардо. Он руку с мечом воздел вверх, так за кончик меча вуаль и зацепилась. Ну, вокруг сеореты закружились остроумцы: мол, императору при жизни не доставалось такого ценного трофея... а я взял да полез!

Лита побледнела:

– Так это... это... вы и были тот ненормальный?..

Бенц перестал ухмыляться. Взглянул девушке в глаза. Заговорил серьезно и сочувственно:

– Сеорета, не верю своим глазам... это вы? Здесь? Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Лита быстро овладела собой:

– Нет, я не нуждаюсь в помощи. Единственное, что вы для меня можете сделать, – не упоминать вслух мой титул и не называть меня сеоретой.

– Ну, если вы считаете, что... – неуверенно начал юноша.

– Считаю, – отрезала Лита. – Друзья, могу свидетельствовать, что этот человек действительно учился в академии.

– А вроде нет такого закона, чтоб капитанами быть только дворянам, – задумчиво сказала Мара. – Это только в академии простоллюдинов не берут...

Леташи переглянулись, боясь поверить надежде, которая блеснула маяком во мраке. Только у старого погонщика оставались сомнения.

– Простите, сударь, но как вы ухитрились три года учиться под вымышленным именем? Существуют Бархатные Книги, в которых перечислены все покойные и ныне здравствующие дворяне из всех стран, списки пополняются каждые десять лет. Неужели за три года в академии не спохватились, что у них учится несуществующий барон?

– Кто несуществующий?! – возмутился Дик. – Донатус деу Вильмготериан – несуществующий? Да в нем росту побольше, чем в вашем рябом леташе! И брюшко такое... вместительное. Мой ровесник, между прочим. У него поместье возле Ульдамера, он там сидит, как сын в дупле. Я пару раз видел, как он со слугами выезжал на охоту. Я и подумал: вот дурак! Барон, а капитаном стать почему-то не хочет! Ну, раз ему от дворянской фамилии толку нет, так я ее возьму поносить.

Эти рассуждения крепко не понравились команде, но желание снова оказаться в небесах (да еще всем вместе, на одной палубе!) заставило леташей смолчать.

Наконец Мара не выдержала:

– А какой у вас, сударь, корабль-то?

Дик Бенц легко развел руками и ответил беспечно:

– Так ведь был бы капитан, а корабль найдется!

Вот тут-то все и началось...

5

А в трактирах затевались драки.

Из широких голенищ взлетали

Синеглазые ножи, и пули

Застревали в потолочных балках.

(Э. Багрицкий)

Команда взметнулась на ноги так же резко и дружно, как только что на защиту илва. На этот раз илв тоже вскочил, сверкая желтыми глазами и выпустив когти. Его, как и других, взбесило это издевательство. Обнадежить и тут же оставить с носом – да за такое надо выделывать насмешнику шкуру, как в кожевенной мастерской!

– Ты, – гаркнул боцман Хаанс, – ворона в шляпе! Я ж тебе все бимсы и шпангоуты переломаю! Я ж тебя...

И боцманский кулачище тяжело ухнул... в воздух. Туда, где только что торчала наглая физиономия капитана без корабля.

Когда этот выюн успел соскользнуть со стола? Оказался рядом с боцманской рукой, ухватил ее за запястье, рванул по ходу удара. Боцман растянулся на столе – и тут же Дик Бенц шарахнулся от глиняного блюда, брошенного Марой.

– Сволочь! – крикнула девушка. – А я-то почти поверила!..

Блюдо разлетелось вдребезги на середине зала.

– Эй, там!.. – вскинулся у входа вышибала. – Посуду бить?!

Его прервал грохот: боцман Хаанс перевернул стол, который мешал добраться до паршивца Бенца. Посуда разлетелась по залу, на шум обернулась вся таверна. Боцман перепрыгнул через опрокинутый стол и ринулся к обманщику. Проворный юнец вновь увернулся от удара и дал боцману подножку. А когда тот растянулся на полу, Дик Бенц

сорвал с себя шляпу, надел ее на голову оказавшейся рядом подавальщице и быстро проговорил:

– Побереги ее, красотка!

И тут же помчался к лестнице, потому что на него с двух сторон набросились халфатиец и вооружившаяся медным блюдом Мара.

Дремавшая на галерейке старуха с бубном проснулась, глянула вниз и проницательно заявила:

– Сейчас будет всем пляскам пляска! А ну, мальчики, вжарим!

И с галерейки понесся разухабистый мотивчик: «Что за парень! Ну и парень! Ай да удалец!»

А внизу вышибала ухватил за ворот старика-погонщика, смекнув, что именно у него – остатки денег всей компании.

– А ну, стой! Кто за посуду будет платить, за мебель, за...

Вышибала не договорил: на него прыгнул илв. Человеку бы так не прыгнуть: с места, по-кошачьи, собрав невероятно гибкое тело, как пружину, и метнувшись вперед. Бросок был так силен, что вышибала не устоял на ногах и покатился по полу вместе с вцепившимся в него илвом.

Погонщик подобрал чудом не разбившийся кувшин, склонился над катающимся по полу живым клубком, улучил момент, когда сверху оказалась голова вышибалы, и приложил по этой голове глиняным донцем.

Кувшин разделил судьбу прочей незадачливой посуды, а вышибала больше в событиях участия не принимал, разве что другие спотыкались о его бесчувственное, как мешок с углем, тело.

А Дик Бенц тем временем столкнулся с лестницы халфатийца, да так удачно, что тот и Мару с ног сбил. Но оба сразу вскочили и вновь ринулись на штурм лестницы.

– Да что ж это такое? – весело прокричал Бенц. – И команду толком не навербовал, а уже мятеж унимаю!

– Я тебе покажу команду! – рычала Мара, стараясь достать до него блюдом. – Я тебе покажу «навербовал»!..

Под двойным напором Дик поднимался все выше, сдавая позиции ступеньку за ступенькой. За шпагу взяться он и не пытался – орудовал кулаком и сапогами. Вся таверна с интересом наблюдала за ходом боевых действий.

Лита швырнула свою кружку в Бенца, но промахнулась, угодила в захмелевшего леташа, мирно дремавшего за столиком у лестницы. От удара тот проснулся и, ничего не поняв, свирепо вцепился в своего собутыльника, тоже осоловевшего.

Райсул и Мара уже загнали самозваного капитана на галерейку. Казалось бы, отступать парню некуда. Однако под одобрительные крики зевак Бенц перемахнул через перила – но не шмякнулся на пол, а ухитрился уцепиться за прибитые к стене для украшения лосиные рога.

– Ишь ты! – восхитился краснолицый леташ. – И шпага ему не мешает!

Сильно раскачнувшись на рогах, Бенц с ловкостью, достойной илва, спрыгнул на ближайший стол и веселым демоном прошелся по нему, топча закуски и сшибая кружки.

Казалось бы, сидящие за столом леташа должны были немедленно стащить наглеца на пол и отпинать так, чтоб никакой лекарь ему ребра на место не вставил. Но подвыпившей компании понравились дерзость и ловкость небохода.

– Что эти облачные кони вытворяют, а? – заорал кто-то. – Всемером на одного? А ну, братва, подрежем им курс!

Первым отозвался, как ни странно, толстяк капитан, только что мирно смаковавший свиное ребрышко. Он отбросил кость и с воплем: «Эх, вспомнить, что ли, молодость?..» – атаковал подоспевшего боцмана Хаанса.

Его поддержали леташи, бросив недопитое пиво. И закипела такая удалая потасовка, что музыканты, переглянувшись, сменили мелодию на другую – «Великая битва у Черной скалы».

Даже трусоватый юнга Олух не забился под стол, как делал обычно, если поблизости вспыхивала драка. Держась подальше от общей свалки, он подбирал разбросанную посуду и швырял кружки и миски в Дика Бенца. Не попал ни разу, хотя молодой небоход представлял собой отличную мишень: он так и не спрыгнул со стола, азартно и весело обороняя взятую высоту от атак мятежной команды.

За шпагу парень так и не брался, но и безоружным не был: подавальщица нырнула в каморку, вернулась со шваброй и швырнула ее Бенцу. Тот поймал швабру на лету, тут же произвел жалкую деревяшку в высокий ранг оружия и пошел лупить ею по головам и плечам.

Общее веселье прервал истошный вопль от двери:

– Стража идет!

Леташи метнулись к дверям, оставив на полу двоих оглушенных неудачников. Первым исчез толстяк капитан: видно, крепко вспомнил молодость!

Экипаж «Облачного коня» замешкался, приводя в чувство халфатийца, которому перепало по голове. А когда Райсул поднялся на ноги, удирать было поздно: в таверну входила стража во главе с усачом-сержантом. Тут же маялся удрученный трактирщик Вайс.

Оркестр, оценив ситуацию, перешел на похоронный марш.

– Вот уж везет так везет! – с болью выдохнул Отец.

Попасть в каталажку для остатков погорелого экипажа было все равно что лезть в пещеру к голодному дракону. Поручиться за леташей было некому. При неудачном повороте дела в суде можно было и в рудник загнать: бродяги, буяны...

А кто совершенно не испугался, так это Бенц.

При первых звуках тревоги молодой наглец отшвырнул швабру, спрыгнул со стола, снял свою шляпу с головы восхищенной подавальщицы, галантно сказал: «Благодарю, мое сердечко!» – и, не обращая внимания на общую панику, принялся отряхивать пыль с камзола и поправлять манжеты. К моменту появления стражи молодой небоход был уже при полном параде – и решительно зашагал навстречу сержанту.

– Наконец-то! – воскликнул он возмущенно. – Как стража нужна, так ее не докличешься! Безобразие! Назавтра я приглашен на обед к бургомистру, так у меня теперь есть тема для застольной беседы.

– Что здесь произошло? – горестно воскликнул трактирщик Вайс, оглядывая разгромленную таверну.

– Как я понимаю, вы – содержатель этого притона? – перенес на него внимание Бенц. – А мне говорили, что здесь приличное место, где можно за бокалом вина заняться делами... – Он снова обернулся к сержанту: – Навербовал команду, уточнял условия... и вдруг начинаются какие-то демонские танцы!

– Да кто вы такой, сударь? – перебил его сержант, сердито топорща усы.

– В этой компании кто-нибудь умеет читать? – холодно поинтересовался Бенц. И, не дожидаясь ответа, развернул перед глазами сержанта свой роскошный пергамент.

Боцман дернулся было вперед, чтобы злорадно растолковать страже насчет титула этого брехуна. Но старик, угадав его намерение, двинул Хаанса локтем по ребрам. Погонщик не пропустил мимо ушей слова «навербовал команду». Похоже, упрямый «барон» решил спастись не в одиночку.

– А кто мне возместит убытки?! – возопил Вайс, оглядываясь в поисках своей прислуги, чтобы что-нибудь узнать о происшедшем.

Но вышибала лежал на полу среди поверженных бойцов, а подавальщица спряталась в чулане, решив сделать вид, что просидела там всю драку. Ей не хотелось выдавать властям и хозяину галантного молодого человека.

– Кто возместит убытки? – надменно переспросил Бенц. – Полагаю, те, кто громил ваш кабак... Сержант, могу ли я со своей командой уйти из этого неудобного места?

Баронский титул, четко обозначенный на пергаменте, произвел на командира стражников впечатление. Слова щеголя-небохода о завтрашнем обеде у бургомистра – тоже. Но отпустить, даже не допросив, ораву потрепанных личностей, застигнутых на месте большой кабацкой драки... отпустить на глазах у подчиненных...

Надо было что-то сделать. Для проформы, для поддержания собственного авторитета.

И тут сержанта осенило.

– Эй, Диого, у тебя «Слово богов»?

– У меня, командир! – отозвался бородатый Диого, выходя вперед. К его поясу был подвешен деревянный футляр, из которого стражник бережно извлек книгу.

Полностью «Слово богов» излагалось в нескольких томах, а это сокращенное издание повествовало лишь о главном: о демиурге Эне Изначальном, сотворившем мир и четверых Старших богов – Фламмара, Антару, Эссею и Вильди; о многочисленных Младших богах, порожденных этой четверкой, и о том, какие молитвы угодны каждому божеству.

– В некоторых случаях я имею право принимать у подозреваемых присягу, – важно заметил сержант. – Пусть каждый из этих леташей поклянется на священной книге, что действительно состоит в команде его милости барона деу... деу... виноват, у меня ваша благородная фамилия не выговаривается.

«Его милость» снисходительно кивнул: мол, прощаю дурака. И ни словечком не пришел на помощь команде, которая застыла в выборе: каталажка или клятвопреступление.

И тут вперед вышел старый погонщик.

– Позвольте, сударь, – негромко сказал он сержанту и положил ладонь на священную книгу. – Я, Маркус Тамиш, погонщик лескатов, прозванный Отцом, клянусь именем Эна Изначального, что с сегодняшнего дня я в команде вот этого капитана. – Он учтиво кивнул в сторону Дика Бенца и убрал ладонь с книги.

Дик заулыбался, оценив уловку погонщика, не назвавшего его бароном. Позабыла его и хитрость сержанта: тот не приказал леташам поклясться, что не они затеяли драку. Командир стражников старался замять дело.

А перед сержантом уже стояла черноволосая красавица в мужской одежде.

– Я, Мара Монтанилья, пастушка лескатов, прозванная Спандийской Змеюкой... пусть узлом завяжется язык у того, кто первым назвал меня так...

Стражники расхохотались.

– Женщина, не превращай присягу в балаган! – одернул сержант спандийку.

– Виновата, сударь... Клянусь Эном Изначальным, что с сегодняшнего дня я в команде вот этого капитана.

Вперед вышел верзила-джермиец. Положил руку на книгу и степенно сообщил:

– Я, Хаанс Куртц, боцман, прозванный Рябым Медведем...

И повторил слово в слово то, что сказали до него Отец и Мара.

Следующей присягу принимала Лита:

– Я, Лита Фьорро, прозванная Паучком, повар...

Дик Бенц удивленно вскинул голову. Он заметил, что сеорета Лита опустила в своей фамилии частицу «диль», которая в Илли указывает на дворянское происхождение. Но больше его удивило другое.

Повар?!

На летучем корабле нет камбуза. Нарезать окорок и раздать сухари и вино – не работа. Всерьез готовить приходится лишь во время нечастых стоянок возле берега. Поэтому в повара традиционно берут сильного и ловкого леташа – чтоб не бездельничал: паруса ставил, грузы ворочал...

Но – эта девочка?..

А в принесении присяги возникла заминка.

– Ты, когтистый, разве наших богов почитаешь? – строго спросил сержант.

– Раз живу на вашей земле, то и почитаю ваших богов, – хладнокровно отпарировал илв. Его тонкий птичий голос не казался смешным.

– Резонно. Ну, клянись.

– Я, илв по прозвищу Филин, другого имени не имеющий, матрос и плотник...

Шестой член команды, халфатиец, прикоснуться к «Слову богов» отказался: вера запрещает. Но он, Райсул, сын Меймуна, прозванный Грифоном, матрос и парусный мастер, готов поклясться Единым и его пророком Халфой в том же, в чем клялись другие.

Сержант махнул рукой и отступился от иноземца.

– Ну, все, что ли? – рыкнул бородач Диого.

Боцман хлопнул себя ладонью по лбу:

– Юнгу забыли!

Огляделся. Нашел затаившегося в углу подростка. Подтащил за шиворот к сержанту:

– Слыхал, что говорить надо? Давай, как все.

Юнга сжался и забормотал:

– Я, Олух... прозванный Олухом... как все...

Расхохотались и стражники, и леташи.

– Уж вы его простите, сударь, – сказал боцман командиру стражи. – Он у нас с придурью.

Развеселившийся и подобревший сержант кивнул:

– Да я и не думаю, что этот вояка разнес таверну... Ваша милость может забирать своих людей.

* * *

Отойдя от «Попутного ветра» на безопасное расстояние, команда остановилась, чтобы обговорить неожиданный оборот дел.

Дик Бенц сиял, как только что отчеканенный делер:

– Вот видите, как славно получилось! Теперь вы – моя команда!

Мара вздохнула и жалобно, как маленькая девочка, попросила:

– Отец, скажи команде мудрое слово!

Маркус Тамиш, прозванный Отцом, пристально взглянул на нового капитана – и сказал команде мудрое слово:

– Влипли...